

М. А. Гусаковский

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – МЕСТО ВСТРЕЧИ ИНФОРМАЦИОННОЙ И МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУР

Тему «Университет как центр культуропорождающего образования» Центр проблем развития образования при БГУ разрабатывает уже в течение нескольких лет. [1] В своем выступлении мне хотелось бы поделиться своими соображениями о роли библиотеки в процессе культуропорождающего образования в современном университете.

Мировоззренческая культура

Мировоззрение – это целостное представление о природе, обществе, человеке, находящее выражение в системе ценностей и идеалов личности, социальной группы, общества, осуществляющее функцию общей жизненной ориентации человека в мире. В основе мировоззрения – отношение «человек - мир». Эти отношения постоянно трансформируются, и в истории человечества можно выделить такие отношения как:

- отношения властвования, преобразования;
- отношения подчинения законам мироздания, «осознанная необходимость»;
- усиление внимания внутреннему миру (прежде чем управлять городом и миром нужно научиться управлять собой; «забота о себе» (М. Фуко).

Философские ориентации в процессе университетского преподавания также меняются. Еще недавно образование ориентировалось на догматизированный марксизм. Сегодня в своих намерениях образование продолжает ориентироваться на науку, прежде всего, на так называемую «опытную», естественную. Однако в процессе развития наука обнаруживает свои пределы не только в смысле чрезвычайной сложности (несоизмеримости) мироустройства, но и в смысле недоступности для научного разума некоторых важных областей человеческой жизни и культуры. Прежде всего, это области, связанные со смыслом человеческого существования. Сегодня свое место под солнцем все больше отвоевывает религия. Переживает свое второе рождение и этническая культура. В итоге мы сегодня имеем не одно мировоззрение, а несколько – научное, религиозное, этническое, глобальное (экологическое) и т.д. Причем они сосуществуют, не вытесняя друг друга.

Насколько отличается современное философское мировоззрение от прежнего, видно на примере актуальных мировоззренческих высказываний современных философов. М.К. Мамардашвили в одной из своих лекций говорит: «В классике предполагается, что мир упорядочен, универсум связей полон, каждая связь как бы сама считается с тем, как построен универсум. Полное знание – абстракция, предпосылка классического философствования».

1. В то же время мы не можем определить отдельную причинную связь, не предполагая знания всего универсума. С этим связана проблема сущности – максимально понятый (мыслимый) предмет внутри полного универсума (образ науки?). Отсюда радикальное различие видов знания в культуре: наука, искусство ... отсюда и радикальное различие между эмоциями и разумом.
2. Сегодня стало понятно, что мы не можем обладать знанием целого универсума. Полное знание классики не есть человеческое полное знание, а, скорее, «божественный интеллект». Эта посылка существует в той мере, в какой этим актам сознания может быть придан характер научной всеобщности.
3. Есть целый ряд систем, исторически известных человеку, в которых процессы (исторические, мировые) регулируются иначе: на предпосылке неполного знания. Одной из таких структур является личностная структура. Это также ритуальные, мифологические системы, где упорядочивающим стержнем является неполное знание или превращенная форма. (Личность – структура, которая не будучи запрограммирована природой, вынуждена достраивать всякий раз мир (ситуацию) до целостности. – М.Г.) [См. 2].

Бернхард Вальденфельдс в своих работах фиксирует изменение нововременного понимания разума и изменение нововременной роли субъекта в современном мировоззрении. «Что касается первого момента, то стало очевидно, что всякого рода *порядки* имеют определенные *границы*... Существует смысл, но не царство разума; существуют свободы, а не царство свободы. Порядки ... которые *только так и никак иначе* нечто являют и выражают, оказываются селективными и эксклюзивными. Они делают возможным одно, одновременно лишая возможности что-то другое» [3]. «Что касается изменившейся роли так называемого субъекта, – продолжает Вальденфельдс, – то человек, рассматриваемый долгое время как центр мира, теряет свое господствующее положение. «Субъект», который, казалось, лежит в основании всего, что есть, и который рассматривается как область и носитель разума, страдает в условиях *лишения самого себя*... которое не компенсируется никаким рефлексивным «возвращением к самому себе». Короче говоря, не существует мира, в котором мы полностью были бы дома, как и не существует субъекта, который был бы господином в собственном доме.» [3].

В основе мировоззрения – категориальная сетка, в процессе усвоения мировоззрения в образовании лежат такие простые, на первый

взгляд, вещи, как вера, доверие (к знанию) и истина. Университеты со времени своего возникновения провозглашали поиск истины (сообщество преподавателей и студентов) своей центральной задачей (Дж. Ньюмен, К. Ясперс). Поиск истины вел к добродетели. Сократ говорил: «Если кто знает, что такое добродетель, то он и поступает добродетельно; а если он поступает иначе, из корысти ли, из страха ли, то он просто недостаточно знает, что такое добродетель» [4].

Сегодня философия наблюдает разрыв между знанием и добродетелью. Так М. Фуко утверждает: «В современную эпоху истина уже не в состоянии более служить спасением субъекту. Знание накапливается в объективном социальном процессе. Субъект воздействует на истину, однако истина не воздействует больше на субъекта. Связь между доступом к истине и требованием преобразования субъекта и его бытия им самим была окончательно прервана, а истина стала представлять собой автономное развитие познания. Не следует искать следы этого разрыва в науке – они в теологии. Это конфликт не между духовностью и наукой, а между духовностью и верой (теологией)» [5].

Современная ситуация относительно мировоззрения фиксируется такими экспликациями как вымывание смысла и кризис веры. Если уподобить мировоззрение типу землеустроительной карты, мы можем констатировать, что наша карта утратила свое назначение – ориентировать в пространстве. Вещи не только утратили свои привычные символические места, но и наш компас перестал показывать строго на север. Многие слова потеряли свое значение, а деятельность смысл (сравните во времени значения слов «родина» и «история» - у родины сегодня другая история, иная география, иное время и пространство; у поколения современных белорусов много родин и много историй). Многое на нашей карте нужно выстраивать заново. Это деятельность по перетопографированию. Только не земель, а духовных ориентиров. Можно, конечно, высокой волей переназначить символы, но лучше их переозначить. Одна беда – трудно будет прийти к согласию. Сегодня способы легитимации знаний изменились. Знание оказывается зависимым не только от мира вещей, но и от социального мира, мира культуры и мира истории. Похоже, время жесткой привязки значений к вещам и лицам проходит.

Начиная с Платона ("Алкивиад") философией ставится следующий вопрос: "Какой ценой постигается истина?" Это цена заключена в самом субъекте в форме вопроса: "Какую работу я должен проделать над собой? Как должен я преобразовать самого себя? Какие изменения своего бытия я должен осуществить, чтобы постичь истину?"

Информационная культура

Человек воспринимает мир через призму базовых категорий, которые отображают коллективные представления и общественное устройство, упорядочивают социальные отношения и таким образом воспроизводят социальные солидарности [6]. Сегодня истина выступает иначе – в виде «игр истины», истина не одна, их много, истины возникают и устанавливаются в публичных коммуникациях. Особенно если вести речь о мировоззренческих истинах. Чтобы проиллюстрировать изменение значения концепта «истина», приведем пример из словаря В.М. Руднева.

Когда-то два великих философа-аналитика – Витгенштейн и Мур уже в старости поспорили, что означает выражение "Я знаю, что...". Суть спора заключалась в том, что выражение "Я знаю, что это дерево" искусственно, не несет никакой информации и, в лучшем случае, означает просто: "Это дерево" Но вот в спор вмешался аналитик младшего поколения Норман Малкольм и, анализируя спор своих учителей, пришел к выводу, что они спорят не о том, так как выражение "Я знаю, что..." означает в конкретных ситуациях совершенно различные вещи. Например, в ситуации, когда дочь играет на пианино, а мать напоминает ей, что пора делать уроки, и дочь отвечает: "Я знаю, что надо делать уроки", это означает: "Не приставай ко мне"; когда слепого усаживают на стул и говорят ему "вот стул", и он отвечает: "Я знаю, что это стул", он хочет сказать: "Не беспокойтесь, пожалуйста". И так далее.

Подобно логическим необходимым истинам, существуют прагматические необходимые истины. Если пример логической истины – "А равно А", то пример прагматической истины – "Я здесь": истинность этого высказывания не зависит от того, кто именно имеется в виду под Я и какое место имеется в виду под "здесь" [7].

Мировоззрение сегодня не носит общего характера, оно индивидуально и во многом представляет собой ситуационный коллаж.

Позвольте высказать несколько непосредственных наблюдений над информационной культурой. Сегодня дети не просто перестают читать, но и писать. У информационной культуры нет не только цензора, но и редактора, отсюда большое количество грамматических ошибок. Главное, информационная культура лишает преподавателя права на монопольное владение истиной, но одновременно рождает эффект дезориентации в мышлении. Отсюда становится вновь актуальной работа по ориентации в мышлении, о чем писал еще И. Кант (см. его работу «Что значит: Ориентироваться в мышлении?» [8]). Еще одна беда – массовая компиляция, которая носит характер природного

катаклизма. Благо сама информационная культура изобретает и средства борьбы с этим недугом (система антиплагиата).

На первый взгляд создается впечатление, что информационная культура представляет собой стихию потоков информации. На самом же деле педагогическая информационная культура представляет собой строго организованную, упорядоченную по правилам информацию. И правила эти задаются целями педагогической деятельности. Современная теория педагогического дискурса различает три группы правил, регулирующих образование педагогического дискурса. Это правила дистрибуции, реконтекстуализации и оценки [9]. Особое значение в нашем случае имеет правило контекстуализации/реконтекстуализации. Речь здесь идет о том, что в поле образования создаются свои поля контекстуализации и свои поля реконтекстуализации. При этом эти поля различаются порядками происхождения. Различают поля официальные и поля автономные, педагогические. Первые задаются официальными структурами – государством и администрацией, а вторые собственно педагогическими сообществами. Свои поля создаются и в процессе присвоения учебной информации. И эти указанные поля не вполне совпадают. Более того, в ситуации развивающихся сообществ поля присвоения, как правило, выходят за поля передачи. Это случается, когда учащийся готов работать в ситуации «работы со своими пределами». В таком случае он вырабатывает свой механизм поиска, отбора, переработки и использования информации. Последнее обстоятельство актуализирует тему различных способов, типов первичной классификации информации, создания наряду с универсальными каталогами и своих, не тривиальных, реляционных баз данных и знаний. Речь идет о придании существующим классификаторам (типа каталогов), более разнообразного формата, связанного с использованием горизонтальных связей между официальными базами данных и собственно педагогическими. Мы при этом не сомневаемся, что в образовательных учреждениях типа университетов должны быть такие реляционные базы данных, которые связывают информацию не по одному принципу. При этом ключи и индексы в таких базах данных должны строиться по принципам, задаваемым совместно специалистом по структурированию информации (библиотекарем) и экспертом в той или иной области знаний.

Современная библиотека

Библиотека университета занимает центральное место между информационной культурой, которую она же сама и конструирует, и мировоззренческой культурой. У библиотеки две миссии – быть

стражем по поддержанию границ порядков, с одной стороны, и содействовать в создании условий по появлению в университете других порядков, возникающих на основе «игр истины», с другой стороны.

В основе существующих каталогов лежит принцип строгого дисциплинарного различения, сориентированный на классический порядок классической картины мира. Сегодня, когда мы вынуждены допустить наряду с классической картиной мира и неклассическую, мы должны пересмотреть и принципы первичного упорядочивания относительно той информации, на основе работы с которой у обучающегося формируются знания. В качестве альтернативного способа упорядочивания информации приведем способ, который назовем как «дискурсивный». Это понятие активно разрабатывается современной лингвистикой. Филология, а вслед за ней и лингвистика, как известно, возникла из практической потребности библиотечного дела, и сегодня филология и лингвистика могут дать много рекомендаций практику библиотечного дела.

Дискурс как информационная структура представляет собой хранилище разных видов знаний. Дискурсивные формации представляют собой спецификацию знаний для их применения.

Приведем пример. Известный историк А. Тойнби описывает сформировавшийся у него комплекс «вечного экзаменуемого» - «дурной привычки накапливать знания для того, чтобы выдержать экзамен, а не для того, чтобы их использовать». А. Тойнби сообщает о найденном им способе «исключить бесконечность»: «Вместо того, чтобы продолжать до бесконечности приобретать знания, я начал что-то делать с теми знаниями, которыми уже обладал, и это активное применение знаний указывало новые направления, по которым надлежало двигаться для приобретения знаний... Я ограничу бесконечность тем, что буду направлять приобретенные знания на то, чего требует действие» [10]. Иначе говоря, знания различаются и прагматической пригодностью, и способы концептуализации и оязыковления знаний в дискурсе находятся в связи с этим прагматическим критерием.

Знания возникают и существуют тогда, когда появляются какие-либо проблемы. Способ организации знаний «по проблемам» - еще один возможный способ организации информации, и еще один из возможных способов ее организации. Ссылаясь на традицию античной философии разделять знание на *episteme*, *tehne* и *metis*, можно предположить также и появление классификаций, каталогов, библиографий, построенных по принципам метисного знания (*metis* — ситуация, где местное, практическое знание превалирует над научным объяснением).

По мнению Хайдеггера, что истина не может пониматься как нечто устойчивое и постоянное (подобно солнцу в платоновской пещере), поскольку должна стать событием для познающего человека. «Событие истины» происходит тогда, когда человек вступает в определенное отношение с самим собой и окружающим миром. Поэтому человек не может открыть никакой существующей независимо от него истины, работа с истиной с неизбежностью опирается на некоторый «горизонт истолкования», в котором только реально существующее и получает определенный смысл. В этом смысле истина не пребывает ни на стороне субъекта (в качестве «истинного» высказывания), ни на стороне объекта (как нечто адекватно выраженное), она есть событие, которое совершается в двойном движении. Это двойное движение от мира к человеку (мир «показывает» себя, обнаруживает и выступает вперед) и от человека к миру (человек овладевает миром, открывает его для себя) [11].

Современные классификации должны создавать возможность конструирования и деконструкции знания. Исходя из высказанных предположений, мы рекомендуем в дополнение к систематическому и предметному каталогам в современной библиотеке создавать еще и проблемные каталоги, каталоги альтернативных программ учебных дисциплин и т.д. и т.п.

Мышление, ориентированное на узнавание и представление, не знает новой мысли, отклонения и творчества. В современной библиотеке должно быть место творчеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе/ М.А.Гусаковский, Л.А.Ященко, С.В.Костюкевич и др.; Под ред.М.А.Гусаковского. - Минск: БГУ, 2004. - 279 с.
2. Мераб Мамардашвили – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 584 с.
3. Вальденфельдс, Б. Ответ чужому. Основные черты респонзивной феноменологии / Б. Вальденфельдс // Мотив чужого: сб. пер. с нем. – Минск: ПроPILE, 1999. – 176 с. С. 141 – 162. С. 124.
4. Платон. Менон / Платон //Собр. соч. : в 4 т. - М.: Мысль, 1990. – Т. 1.–С.575 – 612.
5. Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций в Коллеж де Франс, 1982 // Социо-логос. – М.: 1991. Вып.1.— С. 286
6. Рябинская, Н.С. Текст и социальная структура / Н.С. Рябинская // Социологический журнал. – 2000. - № 3-4.
7. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев - М.: Аграф, 1997. - 384 с. – Прагматика. - С. 229 – 230.
8. Кант, И. Что значит: Ориентироваться в мышлении?/ И. Кант // Сочинения: в 8 т. / (под общей ред. проф. А.В. Гулыги). - М.: Чоро, 1994. - Т.8 – С. 86 - 105.

9. Бернштейн, Б. Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса / Бернштейн Базил; [пер. И. В. Борисовой]; Моск. высш. шк. социальных и экон. наук. — М. : Просвещение, 2008. — 272 с.
10. Тойнби, А. Дж. Пережитое. Мои встречи /А. Дж. Тойби. - М., 2003. - С. 93.
11. Хайдеггер, М. О сущности истины [Электронный ресурс]. - М. Хайдеггер; Пер. З.Н. Зайцевой – Режим доступа: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=40305
12. Хайдеггер, М. О сущности истины / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.